

Сергей
Костырко

Медленная
повесть и рассказы
проза

Сергей Павлович Костырко

Медленная проза (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2860145

Медленная проза. Повести и рассказы: Время; М.; 2012

ISBN 978-5-9691-0979-7

Аннотация

«Медленная», то есть по мере проживания двухтысячных писавшаяся, проза – попытка изобразить то, какими увидели мы себя в зеркале наступивших времен: рассказы про благополучного клерка, который вдруг оказывается бездомным бродягой и начинает жизнь заново, с изумлением наблюдая за самим собой; про крымскую курортную негу, которая неожиданно для повествователя выворачивается наизнанку, заставляя его пережить чуть ли ни предсмертную истому; про жизнь обитателей обычного московского двора, картинки которой вдруг начинают походить на прохудившийся холст, и из черных трещин этого холста протягивают сквозняки неведомой – пугающей и завораживающей – реальности; про ночную гостиничную девушку и ее странноватого клиента, вместе выясняющих, что же такое на самом деле с ними происходит; и другие рассказы. Иными словами, проза про «обыкновенную» жизнь «обыкновенных» людей, каждый из которых – тайна и для окружающих, и для самих себя.

Содержание

ВИНОГРАДНИК	4
КАК НА КАМЕ-РЕКЕ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Павлович Костырко

Медленная проза.

Повести и рассказы

ВИНОГРАДНИК

рассказ

Про деньги Володя узнал поздно. Как и про женщин.

В тридцать пять он услышал от жены, объяснявшей свой уход: «Ты очень правильный. Ты невыносимо правильный. За столько лет ни на одну бабу не посмотрел. В упор их не видишь. Ты и меня не видишь. Как такому объяснить, зачем мужчине женщина?» Поверх ошеломления, поверх обиды и боли Володя ощутил тогда нечто странное, противоестественное: что-то вроде сочувствия к жене. Он всегда помнил бабушкино: «В вашем роду – мужики порченные». Похоже. Прадед в пятьдесят три года почтенным доктором, отдыхая с семейством на своей подмосковной даче, был вызван в деревню к умирающей семнадцатилетней девушке, неделю не отходил от нее, а когда эта девочка встала на ноги, исчез вместе с нею – через полгода из города Верного пришла почтовая открытка: «Я люблю и любим. Простите и прощайте

все». Двоюродный дед, конструктор, выбросился из окна, отлучившись на минутку с институтского банкета в честь присуждения ему и его группе Государственной премии. Отец Володи завершил свою карьеру и славу спортсмена-альпиниста в даосской секте.

И через каких-нибудь два месяца после ухода жены потрясенный и счастливый, лежа на разбросанных по полу чужой квартиры простынях, Володя любовался случайной своей подругой: разгоряченная девушка пила воду из бутылки, и пролившиеся мимо губ капля проделывала пресноводную бороздку по ее влажной шее и груди. Володя следил за этой каплей с болезненным стеснением в груди: как тяжела она, как невыносимо прекрасна.

Тогда же начались деньги. Руководство, следуя духу времени («ускорение и перестройка»), учредило в издательстве кооператив для выпуска непрофильной литературы, Володю внесли в список как юриста и оформили на него сберкнижку. Через полгода он заглянул в сберкассу и обнаружил на своем счету сумму, равную его трехлетней зарплате. Он осторожно снял четверть. И вот тут с деньгами начало происходить что-то странное – бывшие до сих пор чем-то вроде талонов на проезд, питание и одежду, они вдруг обрели собственную значимость и влияние. Володя обнаружил, что такси до метро по утрам – это нормально, а ненормально – унизительно, оскорбительно – это вытамливаться на автобусной остановке, пропуская один за другим переполненные автобусы,

а потом продавливаться сквозь толпу к раскрытым дверям и вжимать, вдавливать свое тело в тела чужих людей. Нормально покупать одежду, которую хочешь, а не которая доступна. Нормально жить у моря одному в гостинице, а не в трехместной комнате их профсоюзной здравницы. Нормально – быть собой. Конечно, нужны деньги, но они теперь были.

У него даже походка изменилась.

Года через два, на дне рождения дочки, жена сделала Володе предложение: «Переходи работать ко мне замом. Я расширяюсь. Нужен абсолютно надежный человек. Платить буду хорошо». – «С деньгами у меня нет проблем», – ответил Володя. Жена усмехнулась: «Рада за тебя. Но ты должен знать, что ваше издательство преобразуется в АОЗТ. Мне показывали списки будущих акционеров – тебя там нет». И Володя перешел в фирму жены. Новенький офис на Проспекте Мира, кабинет, секретарша, личный шофер – Володя осваивал новорусскую экзотику и непривычную, но азартную работу. На осваивание же собственных денег сил не оставалось – их оказалось много, слишком много для Володи, и, может, потому они как будто стали выцветать.

Еще через год в их команде появился второй зам – стриженный, с обугленным абаканским лагерным солнцем лицом Влад. Молчаливый и настороженный. «А этот зачем?» – «Потерпи. Сейчас мы раскручиваемся на их деньги». Они раскручивались: начались операции с бумагой, потом – с компьютерами, потом – с нефтью. Деньги окончательно пре-

вратились в цифры.

И наконец наступил день, когда за кухонным столом в его новой квартире сидел Влад, по комнатам расхаживали люди Влада, а Володя сдавал деньги и в последний раз подписывал бумаги. Короткая процедура закончилась передачей Володе копии дарственной, удостоверяющей, что он, Володя дарит свою квартиру одному из роющихся сейчас в его видеокассетах амбалу. Укладывая деньги в портфель, Влад перебрал Володе пачку двадцатидолларовых: «Оставь себе на новую, так сказать, жизнь».

– Позвонить-то можно?

– Звони.

– У тебя закончилось? – спросила по телефону жена. – Может, у нас поживешь? С дочкой. Мне-то хоть квартиру оставили.

– Нет, спасибо. Я уезжаю. Поцелуй дочку.

Ехать было некуда. Стоял февраль. Темнело. Володя сидел в зале Курского вокзала, упершись глазами в рекламный щит крымской винодельческой фирмы; темно-синяя с волшебным сизым налетом виноградная кисть на фоне аляповато изображенного пейзажа с морем, горами и кипарисами.

У ног Володи стояла сумка, вместившая все, что у него было. Сорокалетний бомж. На дне сумки в пакете с бельем лежал утаенный ком долларов. Ком этот ощущался Володей чем-то отдельным от него. Хирургический мусор. Володя понимал, что это решающий момент в его жизни и что он,

соответственно, должен сейчас принять судьбоносное решение. Но сил думать не было.

Ночью в севастопольском поезде ему снилась виноградная кисть с рекламного щита, она ложилась в ладонь прохладной тяжестью звездной ночи, и Володя боялся шевельнуть пальцем, ощущая под нежной кожицей разбухших икринок кровотоки неведомой ему жизни. Одновременно от тяжести виноградной кисти исходила успокаивающая сила, как от утомленной женщины, устроившей потяжелевшую голову на Володином плече и греющей сонным дыханием его ключицу и шею. Во сне ему было хорошо.

На вокзале Володя взял машину в сторону Ялты. Он смотрел в окно и ждал, но Крым не начинался – серое небо, степи, овраги, люди в ватниках, низкорослые домики с сырыми пятнами на стенах. Володя закрыл глаза, слушая гул и движение машины, а когда открыл, слева уже были горы с сумрачными соснами, а внизу – крохотный городок: черепичные крыши, набережная и тяжелое море. «Здесь», – сказал он. «Что здесь? – не понял шофер. – До Ялты еще километров двадцать». – «Нет-нет. Здесь выйду. Ищите гостиницу».

В гостинице пахло мокрой штукатуркой и туалетами. Двухкомнатный полулюкс, негреющий калорифер, ветер за окном – время остановилось. Володя лежал на кровати, не снимая зимней куртки, и читал детективы Хмелевской.

В гостинице он пересчитал оставшиеся у него деньги. Тридцать две тысячи. Много? Он не знал. Молочная пшен-

ка утром, котлеты с макаронами в обед, вино из магазина, мелкий дождь, серые с грязноватой пеной волны, торопливо идущие люди. При чем тут деньги?

Он прожил две недели в гостинице и понял, что сил двигаться дальше у него нет.

Каждый день, гуляя вдоль моря, он доходил до конца набережной, туда, где поселок заканчивался, земля опускалась в балку, а потом поднималась на невысокую гору. И там, на склоне горы, отдельно от всех стоял старый каменный дом в два этажа. Окна заколочены. «Что за дом?» – спросил он в сельсовете. «Совхозный. Поговорите в правлении».

«Двенадцать тысяч долларов», – сказали в правлении. «Смеетесь?» – «В цену входят виноградники». – «Мне не нужны виноградники». – «Без них не продаем».

За неделю Володя обошел не меньше десятка домов. Были и хорошие. Но тот дом уже не отпускал. Володе показали его – сгнившие лестницы, плесень на обоях, гора разобранных ржавых панцирных кроватей, – здесь селили сезонных рабочих. Сошлись на девяти тысячах. Еще две тысячи ушли на ремонт – полы, окна, двери, лестницы, печь. Новоселье он отмечал с плотником Юрой и своей гостиничной подружкой.

Утром, пока девушка готовила завтрак, Юра предложил пройтись по винограднику:

– Ты бы хоть глянул, чем владеешь.

– Глаза б мои не смотрели.

Единственное, что угнетало Володю на новом месте, – это

как раз вид на виноградники: огородное месиво из перекрученных, на веревки похожих, лоз и накренившихся кольев. Володя предпочел бы ельник вместо этих голых дырявых плетней.

Юра повел его на гору. Они шли и шли – гора оказалась неожиданно высокой, – а виноградники все тянулись и тянулись: потом они прошли по верху к дороге, спускавшейся с горы к дому, и дорога эта была тоже Володиной, потому что за ней продолжались его виноградники. Поваленные столбы, лежащая на земле проволока, разросшийся, на стланник похожий виноград – степень разрухи мог оценить даже Володя. Он был подавлен. Когда, наконец, сели за стол с остатками вчерашнего и выпили по первой, Володя подумал вслух:

– А может, выгородить забором кусок всего это возле дома и жить, а остальное пустить на свободу?

– Совсем охренел?! Ты же деньги вложил. Владей!

– Как?

– Думай.

Ну уж нет, твердо решил для себя Володя, все, что угодно, только не огородная маета. Я жить сюда приехал, а не горбатиться.

Но через пару дней Володя уже разбирал сваленный в подвале инструмент. Нужно было расчистить двор – начиналась весна, близился курортный сезон, лето, солнце. Он торопился освободить себя для вольной крымской жизни.

Работа оказалась приятной – из заваленного мусором пу-

стыря перед домом за несколько часов его, Володиной, работы стал прорисовываться двор. Потом Володя чистил сараи, винный погреб, сжигал в углу двора остатки бочек, обломки мебели. И, разохотившись, решил расчистить пространство с другой стороны дома, где под окна сверху спускался виноградник. Он прошелся с топором вдоль лозы и вдруг почувствовал, что не может ее рубить. Хоть и мертвая сейчас, сухая, но не по себе как-то. Хрен с ним, пусть растет пока. Володя сходил в поселок к Юре, и тот в своем саду показал, как ремонтировать шпалеры, как поднимать и подвязывать лозу, подрезать переросшие или ненужные побеги и так далее. Володя слушал внимательно. Оказалось, ничего сверхъестественного – обыкновенная работа.

Володя отсчитал вверх от дома тридцать рядов и решил, что это и будут его владения. С первым столбом и установкой якоря он провозился целый день. Потом перебрал проволоку, подвязал, скрутил, где надо. Нормально. Потом вторая шпалера. Третья. Четвертая...

Жесткая каменистая земля под ногами и расползающаяся вокруг серая лоза, образующая гигантское, опутавшее всю гору, корневище какого-то фантастического подземного растения, вызывали у Володи ощущение легкого удушья.

Уже пробивалась травка, утреннее солнце набирало летний жар, а бессмысленная Володина работа с проволокой, кольями, каменистой – лопату не вгонишь – землей все дли-

лась и длилась. Володя почти не верил в эти жесткие плети.

И вот однажды, подняв с земли бесчувственную плеть, чтоб закрепить ее на нижней проволоке, Володя почувствовал что-то вроде слабого тока, идущего по лозе, – он увидел, точнее ощутил, набухшие почки. У Володи от неожиданности забило сердце – лоза была живой. Через неделю набухшие почки начали прорываться бледной бахромой будущих листьев. А еще через неделю Володины виноградники зазеленели.

Володя прорежал побеги, чистил и рыхлил школку, связывал порвавшуюся проволоку на шпалерах и не мог остановиться.

Уже давно стояло лето. В поселке отцвели сады. Крохотная набережная по вечерам разносила по горам бухающую музыку из усилителей над кафе и шашлычными. Володя изредка спускался на набережную поужинать – стакан вина, шашлык – и полюбоваться на девушек и на молодых людей в белых пиджаках с закатанными рукавами. Володя смаковал предчувствие своей жизни на этой набережной – будущей жизни, пока же его время еще не пришло, сейчас ему нужно чистить виноградник, чтобы он окончательно не превратился в дикое месиво. В конце концов, еще только начало июня – весь сезон впереди.

Ко времени цветения виноградника Володя обработал со-

рок рядов вверх от дома. До верхней границы виноградника оставалось не так уж и далеко. А потом можно будет двигаться в сторону дороги. «Неофитский угар, – успокаивал себя Володя. – Это пройдет».

О том, что с ним происходит, Володя догадался только к середине лета, когда собственным занемогшим телом ощутил изнеможение в листьях – дождя не было с начала мая. Воды на полив из шланга хватало только на несколько рядов сразу за домом, и, поливая ближние ряды, Володя старался не глядеть в сторону сохнувших выше листьев, он прятал от них глаза, как от взглядов обделенных им детей. По несколько раз в день он включал приемник слушать прогноз погоды. Дожди уже прошли в Симферополе, в Бахчисарае, в Феодосии, и даже – в Севастополе, а их место как заколдовали. Которую неделю дразнилось лежащее на перевале облако, оно то начинало тяжело переваливаться к морю, то снова заползало на гору. Однажды задремавший после обеда Володя почувствовал во сне, как потемнело в доме. Он открыл глаза – море и поселок уже накрыла фиолетовая тяжелая туча. Слышно было, как шумел под ветром виноградник. Володя выбежал во двор в тот момент, когда первые крупные капли начали сбивать в шарики пыль во дворе. И тут же все накрыл плотный, ровный ливень, море и поселок исчезли. И вместо того чтобы укрыться в доме, Володя побежал за дом, наверх. Дрожали и выворачивались под дождем листья, скатывалась сверху вода, блестел мелкий щебень, а немного погода во-

да уже неслась сверху потоками, и Володя с ужасом увидел, как смывают они землю с тщательно перекопанных им школок. Ухватившись за отремонтированный недавно столб, Володя почувствовал, как легко, уже подмытый водой, пошел он под его рукой в сторону – глубже, глубже вкапывать надо было! Счастливый, промокший насквозь, проклиная свою безмозглость Володя метался по винограднику, выискивая камни и укрепляя ими землю на крутых склонах.

Дождь, чуть ослабев, шел всю ночь. Володя спал беспокойно, слушая шелест и громохание воды по железной крыше. Утро было ослепительным. Синее небо, ни ветерка, изредка вздрагивали листья, роняя капли. Только море тяжело раскачивало и с пушечным грохотом обрушивало на берег огромную волну. Володя со страхом начал обход виноградника – повреждения были, но не такие уж и страшные, как ему показалось вчера. До обеда подгробал он размытую землю, поднимал накренившиеся колья, а после обеда снова затянуло, и снова пошел дождь. И на следующий день, и на следующий – и так всю неделю. И когда установилась погода, просох виноградник, упруго колыхались разлапистые листья, под которыми зеленым горошком обозначились будущие виноградины, Володя наконец почувствовал себя выздоровевшим.

А уже нужно было делать вторую подрезку, прищипывание, очередную прополку, срезать волчки... Лето мчалось как сумасшедшее, и Володя не успевал за ним.

В начале августа приезжала жена с дочкой – привезла документы на развод, она уже работала в банке и готовилась снова процветать; на Володю смотрела с изумлением: «Ну ты, оказывается, и куркуль!» Дочка терпеливо ходила за отцом по винограднику, трогала кисти и косила глазом в сторону моря. Ездили в Ялту, на Ай-Петри, гуляли по Ливадии, катались на арендованном Володей катере к Ласточкиному гнезду. Володя слушал московские новости – их фирму перекупили какие-то барыги из Тюмени, Влада нашли убитым в его загородном доме, бывшая Володина квартира опечатана, был обыск, – и думал про утреннее открытие: в дальнем углу балки, за дорогой по винограду поползла белая плесень, надо срочно найти совхозного агронома, он недавно предупредил Володю и предлагал какую-то жидкость для опрыскивания.

Через неделю жена с дочкой отплыли из Ялты в круиз по Средиземноморью, а слегка затосковавший от вынужденного безделья Володя вернулся, наконец, на виноградники.

Виноград уже розовел, лиловел, гроздья наливались, и появилась новая забота – гонять с виноградника местных подростков и отдыхающих.

Как раз тогда и появились Сергей и Энвер. Два молодых армянина, как показалось Володе, ждали его во дворе.

– Вы хозяин?

– Да.

– Хотим предложить услуги по охране вашего хозяйства.

– То есть крышу? – спросил Володя.

Те усмехнулись.

– Если нравится, считайте, что крышу. И, кстати, крышу надежную. Но на самом деле мы ищем работу и временное жилье. Адом у вас просторный, думаем, не стесним.

В их взглядах Володя не почувствовал знакомого по Владу и его браткам холодка.

– Ну что, живите, – сказал Володя.

Ситуация разъяснилась быстро – крымские татары. Сергей из Ташкента, Энвер с Урала. «Скоро все мы будем в Крыму, – сказал Сергей, – решение наверху уже почти принято». По вечерам ребята обходили виноградники, днем же неумело, но с воодушевлением пытались помогать Володе. Время от времени Сергей уезжал в Симферополь, иногда он принимал у себя на первом этаже гостей – церемонно вежливых и неразговорчивых мужчин.

– Не боишься их? – спросил встретившийся в поселке Юра.

– Да нет. Вроде хорошие ребята. Старательные.

– В том-то и дело. Оттяпают у нас Крым... А что с виноградом собираешься делать? Скоро убирать.

– Даже думать об этом боюсь.

Но все разрешилось само собой. Однажды к вечеру по дороге через виноградник спустилась старуха с детской коляской:

– Винограду не продадите?

– Да он вроде как еще не вполне созрел.

– Я знаю, как выбирать.

– Выбирайте.

Первым движением Володи было отказаться от предложенных денег, но он тут же устыдился: что за дешевый гонор – это ж плата за твою работу.

А на следующий вечер с горы уже спускался целый караван с тележками и колясками. Володя выделял им участки для сбора и потом, определив на глаз собранное, принимал деньги. Сергей с Энвером в это время гоняли подростков и молодух, пробиравшихся со своими тележками к винограднику в отдаленных местах.

Купоны почти ничего не стоили, и Володя брал их как некое условное обозначение его взаимоотношений с рыночными женщинами, но через неделю обнаружил, что безвесные почти бумажки начали образовывать вполне реальную сумму.

Как-то днем, выходя из магазина возле рынка, Володя увидел одну из своих постоянных клиенток и подошел поздороваться: «Почем виноград, хозяйка?» Женщина ответила, не поднимая головы, но тут же, с опозданием узнав голос, развернулась к замолчавшему покупателю. Володя смотрел в ее испуганное лицо и осмыслял услышанное, потом сказал: «С сегодняшнего дня цену утраиваю. Мне проволоку надо покупать, колья. Заборы делать. Скажите остальным». В тот же день он купил весы.

Ближе к вечеру с некоторым волнением Володя поглядывал на дорогу: придут или нет? Пришли. Все пришли.

Теперь у Володи появилось новое занятие. По вечерам, завершив дневные дела, он включал в кабинете настольную лампу, выкладывал из карманов деньги и раскладывал их на столе. Первый этапом была сортировка: рубли – отдельно, купоны – отдельно, доллары – отдельно (однодолларовыми купюрами расплачивалась горластая молодуха, норовившая подобраться к винограднику возле дома: я же долларами плачу, имею право!). Потом он раскладывал купюры по достоинству и считал. И наступал самый волнующий момент – Володя разворачивал разграфленный лист и раскладывал на столе конверты с надписями – «Проволока», «Забор», «Колья», «Подкормка», «Столбы», «Дом», «Водопровод» и т. д. Он зачеркивал вчерашние цифры на конвертах и в соответствующих графах и вписывал новые.

В середине сентября днем Володя, выйдя из виноградника на свою дорогу, наткнулся на черную «Волгу». Мотор выключен. В машине никого. На капоте оставлены пиджак и кожаная папка.

– Здесь я, здесь, – услышал Володя. Из кустов выходил пожилой мужчина. – Слышал, продаете этот виноград на рынке как столовый. Что ж нас не оповестили?

– А вы кто?

– Я с винзавода. Хочу прикупить у вас винограда.

– Сколько?

– Весь. Это, строго говоря, наши сорта. Но, извини, хозяин, по цене технического – минус наша техника и сборщики. Ну как?

– Надо прикинуть.

– А чего прикидывать. Вам и трети винограда не собрать. Пропадет. А я от такой мороки вас освобождаю. Вы говорите «да» и получаете деньги. И деньги приличные – я посмотрел уже... Хоть, извини, за такое хозяйствование руки надо обрывать.

Нанятые виноделом в поселке сборщики убрали виноград за неделю. Вывезли девять машин. Тут же привезли деньги. Володя провел полночи, заново пересчитывая и переделывая свой бизнес-план.

А днем на пляже к расположившимся с вином и закуской Володе с Энвером и Сергеем подошел совхозный сварщик:

– Ну что, помещик? – обратился он к Володе. – Говорят, кинул тебя наш винодел, а? Куда только твои татары смотрели.

– Это так? – вскинулся Энвер.

– А вот ты и узнай, как, – сказал сварщик. – У вас же теперь везде свои люди.

– А, Володь? – спросил Энвер.

– Давайте.

Энверу с Сергеем понадобилось два дня.

– Тут есть еще два склона с таким же виноградом, – ска-

зали они. – Винодел заплатил им в полтора раза больше.

Володя с Сергеем поехали на завод.

– Я не ругаться приехал, – сказал Володя виноделу. – Сам на твои условия согласился. Моя вина. Но если рассчитываешь на мой виноград в следующем году, пришлешь столбы и проволоку для забора. И рабочих. Я привез расчет, сколько чего надо. Не поставишь забор, винограда не будет.

– А что ты с ним будешь делать – с бабушками на рынке торговать?

– А что, других винзаводов нет в Крыму?

– Да что ты в этом понимаешь?! Другие из твоего винограда бражку сделают, а не вино. Ты пойми, кроме меня сейчас никто с таким виноградом работать не сможет.

– Ну вот и хорошо, – сказал Володя. – Значит, договорились.

В начале октября случились две ночи с заморозками, и через неделю виноградник уже стоял огненно-красный. Море было еще теплым.

Зиму Володя прожил один. Сергей и Энвер обустроивались в Симферополе. На следующее лето приехал только Энвер. Сергей уже работал в крымском парламенте.

Весной Володя нанял рабочих для обновления лозы за дорогой. Сам же с Энвером переделывал испорченные в прошлом году шпалеры. Неделю жил агроном, которого прислал Сергей, составили план работ на лето и осень. Лето оказа-

лось влажное, дождливое, но, несмотря на это, осенью Володя сдал на завод четырнадцать машин.

– В следующем году догонишь до двадцати, – говорил винодел, обходя с Володей склон. – Еще года два-три, и восстановишь виноградник. Когда-то мы отсюда до сорока машин вывозили.

Но на следующий год собрали не двадцать, а семнадцать машин – в ночь с 20 на 21 августа трехчасовая гроза с градом и ураганным ветром уничтожила половину летних трудов Володи. Зато на подходе были участки с молодой лозой.

В том же году Володя женился – стремительный июльский роман с отдыхающей в пансионате медсестрой Таней из Харькова продолжился в переписке, зимой она переехала к Володе.

...Шел четвертый Володин сезон. Отцветали виноградники, Володя работал наверху с рабочими, между рядами быстро шел Энвер: «Володя, у нас гости». На дороге перед домом стоял похожий на блестящее насекомое темномалиновый джип. Во дворе, в тени виноградной беседки сидели трое и молча смотрели на идущего к ним Володю.

– Здравствуйте, – сказал Володя. – Зачем пожаловали?

– Мы покупатели, – выдержав паузу, сказал сидевший посередине.

– Так рано еще. Виноград только начал завязываться.

– А мы все покупаем. Дом, виноградники, дорогу, гору –

все.

– А кто вам сказал, что я продаю?

– Придется. Во-первых, мы даем нормальную цену. Десять тысяч. Ты-то за девять купил. А во-вторых, по закону тебе вообще не имели права все это продавать. В любом случае хозяйство это будет нашим. Платим потому, что не хотим бумажной волокиты. Неделю тебе на размышления.

Ленивыми кинематографическими походками прошлись парни через двор, похлопали дверцами. За ними, взяв Володину машину, уехал в Симферополь Энвер. Володя с испуганной Таней пошли наверх к рабочим. Вечером приехали четверо молодых людей от Сергея, они были вежливы, немногословны, внесли тяжелые сумки в комнату Энвера, попросили отпустить рабочих и не выходить со двора. Двое из них сразу легли спать, а двое расположились по обе стороны от дома, с обзором на дорогу и балку. Свою принадлежность они и не маскировали: бандиты, боевики, охранники – оттенки уже не интересовали Володю. И так ясно – кончилось его виноградное счастье. Еще через два дня вернулся Энвер в сопровождении микроавтобуса, из которого вышли несколько человек.

– Дело плохо, Володя, – сказал Энвер. – Винзавод вступаться не будет, с ними уж договорились. Пока есть время, покажи виноградник этим, – он махнул головой на приехавших.

– Не могу, Энвер. Показывай сам. Извинись за меня и по-

казывай.

Гости вернулись с виноградника к вечеру, потом осмотрели дом, подвалы, сараи, проверили водопровод. Таня с ненавистью наблюдала за ними из летней кухни. За стол сели уже в темноте.

– Ну что, Владимир, – заговорил после паузы маленький сухонький старик с быстрыми живыми глазами, – не будем ходить вокруг да около. У нас к тебе предложение передать свое хозяйство в ведение нашего фонда за двадцать тысяч. Еще шестьдесят ты получишь в конверте. Пойми, по-другому не получится. Интересы столкнулись не здесь, а в Симферополе. Тут уже дело не только в виноградниках. Дело в интересах и перспективах. Если мы сейчас договоримся, все можно будет сделать через Сергея за неделю. Не договоримся – у тебя заберут всё. Совхоз действительно не имел права продавать виноградники. Документы на продажу будут аннулированы – симферопольские получают хозяйство бесплатно.

– А вы что же, – спросила Володина жена, с ненавистью глядя на старика, – вы разве не можете, как они?

– Нет, – улыбнулся старик Тане. – Сейчас нет. Может, года через два. А сейчас мы можем только с помощью вашего друга Сергея.

– Я подумаю, – сказал Володя.

– Конечно, – с понимаем кивнул старик. – Конечно, вы должны подумать.

На проводах, неожиданно многолюдных, к Володе подошел Юра:

– Ну что, выпьем с горя?

– Давай, Юр! Только честно скажу: горя не чувствую. Тяжело. Обидно. Но горя нет.

На рассвете Володя с Таней в «рафике» Сергея выезжали на верхнюю дорогу. Володя оглянулся, но дом и виноградники уже закрыл холм, прощально блеснуло только море. Володя прислушался к себе: было грустно, но и только. На коленях лежала тяжелая кожаная сумка, и там внутри, в тесно спеленутых банковскими ленточками бледно-зеленых листиках, текла виноградная кровь его будущего хозяйства.

P. S.

Через три года, осенью, оставив свои виноградники под Анапой на управляющего, Володя с Таней по двухнедельному туру отдыхали в Испании.

После завтрака Володя ждал на террасе Таню с полотенцами и слушал здешнего знакомого, сорокалетнего крепыша из Ярославля. Накануне тот разбил взятый напрокат мотоцикл и делился впечатлениями:

– Жаль, не видел ты, Володь, их рож, когда я выложил эти говенные две с половиной. Аж побелели, останавливать начали: с адвокатом, говорят, посоветуйтесь, экспертизу сделайте, проверьте правильность дорожных указателей... Да что я – мелочиться буду?! Разве объяснишь таким, что чувству-

ет человек, когда на спидометре – под сто сорок, машина классная, трасса отутюженная... Да видел я, видел указатель этот, но кайф не хотел ломать. А как почувствовал, что не удерживаю, я руль отпустил и – в сторону. Там как раз кюветики с травой. И всего-то – плечо зашиб немного да рукав на куртке ободрал.

– Ну да. Это если не считать денег.

– А чего их считать. Они как бабы – уходят, приходят. Деньги надо презирать. Ненавидеть. Раньше, когда денег не было, люди людьми были. А сейчас – звери! За деньги на все пойдут. На все. Это я тебе говорю!

– Да деньги-то чем виноваты?

– А ты, я вижу, любишь их?

– Свои – да, – сказал Володя. – Свои – люблю.

КАК НА КАМЕ-РЕКЕ

рассказ

За окном мело. Снег на пару секунд зависал перед стеклом, демонстрируя крупные косматые снежинки, и тут же, срываясь с места, вытягивался в бешено несущуюся пелену.

Из пористой тьмы снизу багровыми буквами светила надпись «Флоренция». Ночной клуб? Кофейня? Неважно. Важно, что и слово, и багровое свечение его легли в контекст: в оконном стекле перед Димой – отражение гостиничного номера со светом настольной лампы, листами раскрытых книг и зеленым экраном включенного ноутбука.

От окна тянуло стужей.

Днем, когда Дима выходил из галереи, то есть из бывшего кафедрального собора, ветра еще не было, было только легкое колыхание морозного воздуха, но обжигал он так, что запланированное гуляние по высокому берегу Камы пришлось отложить. Минус двадцать четыре, как значилось на табло у перекрестка. Может, и потеплело по случаю метели, но вряд ли намного. И значит, ежевечерний проход по улице Сибирской в «Пельмешки без спешки» отменяется... Ну и хорошо – в гостинице поужинаешь, в ресторане, заодно и ночную жизнь здешнюю посмотришь. Полноты жизни отхватишь тупа.

Хотя...

Только что, закрыв рабочий файл, Дима вставил флэшку с закачанными перед отъездом текстами про этот город, и было там микроэссе про гостиничный номер, написанное – потому и скачал, – написанное в этой гостинице, а возможно, как раз в этом номере, – про его стерильность, про пустые стены и углы, в которых не копяты звуки, про снег на подоконнике, белый и отчужденный, как выложенные в ванной гостиничные полотенца. И человек в таком номере так же гол, так же отчужден от себя, он похож на пустой выключенный холодильник, который стоит в холле Диминого номера... Ну уж нет! Это, простите, кому как. Для Димы – так вожденная полнота жизни. Это когда вокруг ни одной вещи, которая бы напоминала тебя вчерашнего. Пустота номера, которая без сопротивления заполняется тобой сегодняшним. К тому ж с неожиданно уместным словом «Флоренция» за окном, как будто поезд, сутки почти несший Диму по заснеженной лесной просеке, – как будто поезд этот не на восток шел, а – на юг. В мерзлой тьме за гостиничным окном – русская заграница, ничем не похожая на обжитую Димой Россию московскую или калужскую.

Дима спустился в лифте на первый этаж, пересек холл, привычно сбежал по ступенькам вниз – по утрам здесь был шведский стол и, соответственно, полупустой зал, приглушенный свет, негромкие, не вполне проснувшиеся еще голоса таких же, как и Дима, постояльцев отеля. Ну а сейчас

Дима входит как будто в другой ресторан: плотный гул голосов, по головам и плечам сидевших за столиками людей, – совсем других, не утренних, – перебегали разноцветные лучи от крутящегося под потолком шара. Откуда-то играла музыка. Тут не ужинают – тут гуляют.

Диму повели меж столиков в самый конец зала, в узкий банкетный отсек, где вдоль стен параллельно друг другу стояли два длинных стола. Проход между столами упирался в стену с огромным плоским экраном, полыхающем чем-то музыкально-клиповым. Левый стол был плотно обсажен людьми. Правый – пуст, если не считать девушки, сидевшей под стеной и как бы отгородившейся этим длинным пустым столом от компании через проход.

– Вы позволите? – ритуально спросил Дима.

Девушка бегло глянула, кивнула и отвернула голову к экрану.

Черноволосая. Темноглазая. Лет двадцати или чуть постарше. Белая глухая рубаха-блузка.

Дима деликатно сел в торце стола, чтоб не навязывать свое общество. Официант включил перед ним светильничек и пододвинул пепельницу.

– Салат, – сказал Дима официанту, – цыпленок, а потом, попозже, кофе.

– Что пить будете?

– Водку, – сказал Дима, водку пить не собиравшийся. – Сто... нет... сто пятьдесят грамм.

Похоже, идея с рестораном оказалась провальной; в город надо было выйти, а не сидеть здесь – спиной к ресторанному залу, мордой уткнувшись в телеэкран со скачущими певицами. Да еще рядом с поддатой компанией. Но через несколько минут, глотнув водки и закурив сигарету, Дима почувствовал, что жить можно. Он косил глазом на стол слева – четыре мужика вперемежку с четырьмя барышнями. Девушки как на подбор, статные, длинноволосые, плечи и груди обтянуты маечками и блузками. Ну а мужики лет на двадцать, как минимум, постарше; с лицами, которые Дима называл для себя «депутатскими», то есть абсолютно никакими лицами, с приклеенным – намертво – выражением значительности, плюс дорогие костюмы, сидящие не столько элегантно, сколько статусно. Единственное располагающее лицо было у мужичка, сидящего во главе стола спиной к экрану – курносое, простецкое почти, но при этом взгляд умный, быстрый, улыбка легкая; к нему склоняются поминутно подбегающие официанты, и Дима как будто слышит его ласково-небрежное «любезный» и «голубчик».

...Сидящий спиной к Диме мужик положил сейчас правую руку на спину девушки, и рука поползла по короткой блузочке вниз, к обнаженной полоске тела, пальцы задержались на коже девушки и скользнули под пояс юбочки, но девушка не стряхнула руку, а как бы на вздохе выпрямилась, истомно развернула плечи и повернула к кавалеру лицо с насмешливо-поощрительной улыбкой, но тут же взгляд ее про-

тянулся дальше к Диме, и девушка – или показалось ему? – подмигнула: ну что, дедуля, третьим будешь?

И Дима, который давным-давно уже Дмитрий Андреевич (это он по привычке обращается с собой как с Димой) – Дима, как школьник, которого застукали, поспешно перевел взгляд на телеэкран и периферийным зрением поймал тихую усмешку соседки. Как будто горячим плеснуло в лицо – это ж надо так облажаться! – и он с трудом удержал радостную улыбку.

Официант расставлял перед Димой тарелки, и в этот момент соседка открыла розовую пудреницу своего мобильного. Дима услышал голос – низкий, певучий, чуть хрипловатый: «Слушай, сколько можно ждать?.. Вы где? Ну... Я тут уже больше часа... Имей в виду, могу и не дожждаться». Дима почувствовал, как чутко замер склонившийся возле него официант. Перед девушкой бокал с соломинкой, вазочка с орехами, в пепельнице пара окурков каких-то тоненьких сигарет. На столе перед ней, как и перед Димой, крохотный электрический светильник в виде оплывшей свечи. Дима, как бы непроизвольно, – на голос раздавшийся – глянул и успел увидеть чуть раздвинутые скулы, большой рот и удлиненный разрез глаз. Взятые в хвост длинные волосы обнажают высокую шею и ухо с огромным ободом белой – пластмасса? – клипсы. Дима допил водку, чтобы притушить внезапный холодок в животе.

К соседнему столу официанты пронесли на двух блюдах

горой наваленные ананасы, виноград, груши, киви. «Что будем под десерт? “Камю”?» – «Можно и “Камю”, а лучше чего полегче – на десерт у вас другое будет. Берегите силы!» – усмехается курносый, а барышни изображают застенчивые улыбки.

Ну а соседка Димы вытягивает сигарету из длинной пачки, щелкает зажигалкой – движения спокойные, отчужденные, девушка здесь сама по себе. Со своей собственной отдельной жизнью. Вот она – загадочная для Димы – порода нынешних молодых людей, инфантильных как бы, и при этом странно укорененных в этом косматом и уродливом мире, – ну вот как, интересно, удастся ей быть такой невозмутимой и естественной в этом жеребятнике? «Отсек тишины, кусок затаившейся жизни», – привычно перебирает он слова. Нет, фигня все это. Зырянка – вот кто она! И Дима тянет из заднего кармана джинсов книжечку – записать:

«...два года назад, летом, в этом городе шел дождь, я стоял под навесом автобусной остановки. Рядом в толпе две женщины. Примерно сорок и двадцать лет. Мать и дочь.

Хороши – нет сил. Хотя лицо у матери жесткое, скуластое, с удлинением (намек на восток или север?) разрезом глаз, с припухшими веками и губами – грубо нарисованное, почти некрасивое на первый взгляд лицо. Но то же самое было прекрасно на юном лице дочери. Именно тогда я вспомнил (неправильно вспомнил, но уже пристало) слово “зыряне”.

Местный тип. Завораживала не столько диковатая красо-

та их лиц, сколько странный, противоестественный покой на этих лицах. Взгляд отсутствующий, взгляд издали. Как будто, поставив свои тела на остановке и повернув головы в сторону улицы, они куда-то ушли. Куда?.. Улицу перебежал парень – фамильное сходство поразительно: волосы, разрез глаз, скулы, но, заскочив под навес, он почему-то не поздоровался с матерью и сестрой. Он как будто вообще не заметил их. И вот тут я увидел, что нет, – и нос у парня другой, и губы другие, и вообще они ничем не похожи, но он – копия их, то, как встал, как мгновенно ушла из тела стремительность, как погрузился куда-то внутрь и смотрит наружу так же – издали. Откуда? А оттуда – из своего зырянского мира. Мира настолько своего, отдельного, что Стефану Пермскому проще было перевести Евангелие на их наречие, чем научить их нашему языку, научить их нашему Христу (откуда у тебя – “нашему”?)... А может, девушка эта как раз и стояла два года назад рядом со мной на остановке?..»

«Что за пургу ты несешь?», – думает Дима и не может остановиться.

«В ней тот же отсвет другой жизни. Подобно вот этим двум певицам-негритянкам на экране, которым дела нет до сидящих и слушающих их в этом ресторане людей, девушка эта – здесь и не здесь. И тебе уже никогда не понять, что происходит сейчас в ее туго обтянутой черными волосами головке».

На слове «головка» Дима наконец-то запнулся: «Эк тебя,

парень, разобрало!»

Официант уже ставит перед ним чашку с кофе. Дима как будто трезвеет, обнаружив себя за тем же длинным столом. И девушка на месте. Он прихлебывает кофе и чувствует неожиданный накат молодой горечи. С чего бы? Переработал сегодня? Или московская простуда возвращается? Ну да, девушка рядом. Да, красивая. Ну и что? Любуйся. Смакуй легкое волнение. Чего еще?

За соседним столиком мордастый «депутат» соседку свою с острой палочки кормит ананасом, нарезанным кубиками. Пальцы его, когда подносит очередной кубик к послушно приоткрытому рту девушки, дрожат почти, взгляд расплавленный.

Дима поспешно поднимает глаза на экран – хватит с него! – и студит взгляд полумраком справа с неподвижным силуэтом. Вот сейчас рассчитаюсь, встану и уйду, и никогда не увижу ее в полный рост, думает он. И как раз в этот момент, как будто услышав его, девушка встает. Берет сумочку, поправляет на столе зажигалку и сигареты, делает несколько шагов по проходу между столом и стеной к Диме, наклоняется: «Если официант подойдет, пусть ничего не трогает, я на минутку». Совсем близко ее шея, подбородок и опущенный в него взгляд темных глаз. «Да-да, конечно». Головка исчезает. Выждав немного, Дима оборачивается и видит ее во весь рост. Ну да, то, что и ожидалось... Дима вдыхает оставленный ею запах духов. Прохладный запах, и взгляд у

нее такой же, прохладный... Нахрен ты, дурак, водку заказывал?! И Дима снова тащит из кармана книжечку.

«Тогда же, два года назад, в сорока километрах отсюда, в пасмурный ветреный день я стоял один на берегу Камы, передо мной была только рябая под ветром серая вода. Я смотрел на каменистые, почти отвесные берега с той стороны, на темный лес, росший поверху. Что там было? Сосны? Ели? Сумрачная вода смотрела в небо, а серое (потом пошел дождь) небо смотрело в воду, и им не было дела до меня. Так я был допущен в мир зырян. Зыряне ведь не смотрели тогда телевизор. Не листали альбомы импрессионистов или рекламные журналы. Они не отгораживались “эстетикой” от жизни. Они смотрели на камень и были камнем, смотрели на дерево и были деревом. Мне показывали ту угрюмую мощь, из которой выростала их жизнь. Из плоти которой, буквально, – из древесины которой вырезали зыряне своего Христа. Горестное потрясение от открывшегося ему знания (последнего знания) о жизни вырезали».

Ну и при чем тут «прохладный взгляд» и «прохладный аромат духов» твоей барышни?... Твою мать! – нашел место и время...

Дима зачем-то поднимает голову и снова видит ее. Девушка возвращается на свое место, но идет она не вдоль стены – девушка идет по проходу между столами, и за ней поворачиваются головы разогретых мужиков за соседним столом. С легким злорадством отмечает Дима их легкую оторопь и ко-

люче-напряженные взгляды барышень. Ну а девушка огибает стол под экраном, равнодушной полуулыбкой отвечает на Димин взгляд и опять усаживается под стеной, но на этот раз – заметно ближе к Диме, как будто прикрываясь его соседством от липких взглядов из-за соседнего стола. А жаль, потому как теперь на нее не поглядишь, она слишком близко. Диме остается наблюдать только за компанией слева. Сейчас к курносому идет официант с подносом, на котором папочка со счетом. Крохотная такая папочка, но что-то уже в повадке официанта заставляет ощутить тяжесть цифры, упакованной в нее.

Дима закуривает в предвкушении дальнейшего.

Соседи встают, девушки натягивают свои коротенькие юбочки на длинные ноги. Они совсем рядом с Димой, они не обращают на Диму внимания так же, как актеры на сцене не обращают внимания на сидящего в первом ряду зрителя. Дождавшись своих плотненьких осанистых кавалеров, девушки начинают проход по подиуму между столами, и вот это уже – Дима чувствует – для него, для Димы, и он перестает даже прятать взгляд, он откровенно любитесь этими девушками с мгновенно построжавшими вдруг лицами. Кайф!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.